

Густав Майринк

Черная дыра

Густав Майринк

Черная дыра

Александр Б.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157554

Густав Майринк

Черная дыра

Вначале были слухи; из уст в уста проникали они в культурные центры Запада из Азии и были довольно бессвязны: якобы в Сиккиме, южнее Гималаев, какие-то совершенно необразованные паломники-полуварвары, так называемые гোসины, открыли нечто поистине фантастическое.

Английских газет, выходящих в Индии, слухи не миновали, однако русская пресса была информирована явно лучше, впрочем, люди сведущие ничего удивительного в этом не находили, ибо, как известно, индийский Сикким брезгливо сторонится всего английского.

Видимо, поэтому весть о загадочном открытии проникла в Европу окольным путем Петербург – Берлин. После демонстрации феномена ученые круги Берлина обуяло нечто весьма напоминавшее пляску св. Витта. Огромный зал, в стенах которого зачитывались раньше исключительно солидные научные доклады, был переполнен.

В середине, на подиуме, стояли два индийских экспериментатора: госин Деб Шумшер Джунг с изможденным лицом, разрисованным священным белым пеплом, и темнокожий браман Раджендралаламитра – тонкий хлопковый шнур, знак кастовой принадлежности, пересекал его грудь

слева направо.

На свисавших с потолка проволоках на высоте человеческого роста были укреплены стеклянные химические колбы, содержавшие какую-то белесую пудру. Как пояснил переводчик – легко взрывающееся вещество, по-видимому какое-то йодистое соединение.

Госаин приблизился к одной из колб – аудитория замерла, – обернул горлышко сосуда тонкой золотой цепочкой и закрепил концы на висках у брамана. Затем отступил, воздел руки и забормотал заклинательные мантры своей секты.

Две аскетические фигуры застыли словно статуи. Подобную неподвижность можно наблюдать только у арийских азиатов во время религиозных медитаций.

Черные глаза брамана были фиксированы на колбе. Публика сидела как замороженная.

Многие закрывали глаза либо отводили в сторону, так как были уже на грани обморока. Зрелище таких окаменелых фигур всегда оказывает действие почти гипнотическое: кое-кто уже осведомлялся шепотом у соседа, не кажется ли тому, что лицо брамана временами как бы окутывается туманом.

Однако это была иллюзия, туманом казался священный знак тилика на темной коже индуса – большое темное U; этот символ хранителя Вишну верующие рисуют на лбу, на груди и на руках.

Внезапно в колбе сверкнула искра, и пудра взорвалась. Мгновение стоял дым, потом в сосуде возник индийский

ландшафт красоты неопишуемой. Браман спроецировал свои мысли!

Это был Тадж-Махал под Агрой, волшебный дворец Великого Могола Аурунгжеба, в котором тот тысячелетие назад велел заточить своего отца.

Купол какой-то голубоватой снежной белизны – по сторонам стройные минареты – был той величественной красоты, которая повергает людей ниц, его отражение плавало в бесконечном водном пути, искрящемся в обрамлении сонных кипарисов.

Картина рождала смутную тоску по утраченной родине, забытой в глубоком сне вечно странствующей души.

В зале – смятение, изумление, вопросы. Колбу открепили и пустили по рукам.

Как пояснил переводчик, такой пластический мысленный снимок, благодаря колоссальной несокрушимой силе воображения Раджендралаламитры, фиксируется на месячный срок. Проекция же европейских мозгов по продолжительности и богатству красок не могут идти ни в какое сравнение.

Экспериментировали много, и то браман, то кто-либо из авторитетнейших ученых мужей закреплял на висках золотую цепочку.

Собственно, отчетливо были видны только мысленные снимки математиков, а вот умы юридических светил дали весьма странные результаты. Однако всеобщее изумление и покачивание головами было вызвано проекцией, явленной

ь результате напряженнейшей мысленной работы знаменитого профессора, специалиста по внутренним болезням, советника врачебной управы Маульдрешера. Тут даже церемонные азиаты пооткрывали рты: в экспериментальной колбе попеременно возникали то какое-то невероятное месиво из маленьких кусочков весьма непотребного цвета, то полупереваренный конгломерат из неподдающихся, определению сгустков и каких-то объедков.

– Смахивает на салат по-итальянски, – насмешливо заметил один теолог, однако сам весьма предусмотрительно предпочел от участия в экспериментах воздержаться.

– Или на студень, – подал кто-то голос с задних рядов.

Переводчик же подчеркнул, что настоящий студень получается тогда, когда пытливая естественнонаучная мысль пускается в размышления о первоосновах материи.

В объяснения природы феномена – как и каким образом – индусы не вдавались. «Как-нибудь позже... позже», – отвечали они на ломаном немецком.

Через два дня в другой европейской метрополии состоялась повторная демонстрация аппарата, на сей раз публичная.

Вновь затаенное дыхание публики и крики изумления, когда мысленная энергия брамана материализовала изображение чудесной тибетской крепости Таклакот.

Далее последовали маловразумительные мысленные снимки городских знаменитостей.

Однако теперь медицинское сословие на все уговоры «думать в бутылку» лишь презрительно усмехалось.

Но вот приблизилась группа офицеров, и все сразу расступились. Ну, само собой разумеется!..

– Густьль, может, и ты бы разок поднатужился? – спросил своего приятеля лейтенант с напوماженным затылком.

– Я – я нет, пусть штафирки думают.

– И все же я па-апрошу, па-апрошу кого-нибудь из господ... – надменно потребовал майор.

Вперед выступил капитан:

– Вот что, толмач, а можно мне вообразить что-нибудь эдакое, идеальное?

– Да, но что конкретно, господин капитан? – («Ну-ну, поглядим на этого пижона-идеалиста», – слышалось из толпы.)

– Я... – начал капитан, – ну... я хотел бы подумать о предписаниях офицерской чести!

– Гм. – Переводчик потер подбородок. – Гм... я... мне кажется, господин капитан, гм... что кристальной твердости кодекса чести... гм... этим бутылочкам, пожалуй, не выдержать.

Вперед протиснулся обер-лейтенант:

– Позвольте-ка мне, приятель.

– Верно, правильно, пустите Качмачека, – загомонили все сразу. – Вот кто настоящий мыслитель.

Обер-лейтенант приложил цепочку к голове.

– Прошу вас, – переводчик смущенно подал ему платок, – пожалуйста: помада изолирует.

Госаин Деб Шумшер Джунг в красной набедренной повязке, с набеленным лицом встал позади офицера. Внешность его была еще более устрашающей, чем в Берлине.

Он воздел руки.

Пять минут...

Десять минут – ничего.

От напряжения госаин стиснул зубы. Пот заливал глаза.

Есть! Наконец. Правда, пудра на взорвалась, но какой-то черный бархатный шар, величиной с яблоко, свободно парил в бутылке.

– Тару мыть надо, – смущенно усмехнулся офицер и поспешно ретировался со сцены.

Толпа покатывалась со смеху.

Удивленный браман взял бутылку, при этом висевший внутри шар коснулся стеклянной стенки. Трах! В ту же секунду колба разлетелась вдребезги, и осколки, словно притянутые каким-то магнитом, полетели в шар и бесследно исчезли.

Черное шарообразное тело неподвижно повисло в пространстве.

Собственно, предмет совсем даже не походил на шар, скорее производил впечатление зияющей дыры. Да это и было не что иное, как дыра.

Это было абсолютное математическое «Ничто»!

Дальнейшие события развивались логично и с головокружительной быстротой. Все, граничившее с черной дырой, повинувшись неизбежным законам природы, устремилось в «Ничто», чтобы мгновенно стать таким же «Ничто», то есть бесследно исчезнуть.

Раздался пронзительный свист, нарастающий с каждой секундой, – воздух из зала всасывался в шар. Ключки бумаги, перчатки, дамские вуали – все захватывалось вихрем.

Кто-то из доблестных господ офицеров ткнул саблей в страшную дырку – лезвия как не бывало.

– Ну-с, это переходит уже всякие границы, – заявил майор, – терпеть это далее я не намерен. Идемте, господа, идемите. Па-апрошу вас, па-апрошу.

– Качмачек, да что же ты там такого напридумал? – спрашивали господа, покидая зал.

– Я? Ничего... Вот еще – думать!

При звуке жуткого, все более нарастающего свиста толпа, охваченная паническим ужасом, ринулась к дверям.

Индусы остались одни.

– Вселенная, которую сотворил Брахма, хранит Вишну и разрушает Шива, будет постепенно всосана черной дырой, – торжественно объявил Раджендралала-митра. – Брат, это проклятье за то, что мы пришли на Запад!

– Ну что ж, – пробормотал госаин, – всем нам суждено когда-нибудь негативное царство бытия.